

ББК 63.3+63.4+63.5

С34

Редколлегия: *З. А. Тычинских*, канд. ист. наук (отв. редактор); *С. Р. Муратова*, канд. ист. наук; *А. А. Адамов*, канд. ист. наук; *Н. П. Турова*; *Е. П. Загваздин*.

Оргкомитет симпозиума благодарит администрацию г. Тобольска и лично главу города Владимира Владимировича Мазура за помощь в финансировании издания сборника материалов симпозиума.

С34 **Сибирские татары** : материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири», посвящен. 100-летию д-ра ист. наук Фюата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.) / под ред. З. А. Тычинских. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – 397 с. : ил.

ISBN 978-5-9909229-7-6

В сборнике публикуются материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», проводившегося в Тобольске 10–12 декабря 2018 г. по актуальным проблемам этничности и идентичности, этногенеза, этнической истории, традиционной культуры, литературы и фольклора, межэтнических контактов сибирских татар и других народов Западной Сибири, а также истории средневековых татарских государств.

Сборник предназначен для исследователей, аспирантов, студентов, сотрудников музеев и библиотек и всех интересующихся историей и культурой татарского населения Западной Сибири.

ББК 63.3+63.4+63.5

ISBN 978-5-9909229-7-6

© Тобольский педагогический институт (филиал) ТюмГУ, 2019

© Тобольская комплексная станция УрО РАН, 2019

© Оформление. ООО «Тобольская типография», ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН», 2019

УДК 94,04/14*

**КЛАН АЛБЫР/ОЛБЕРЛЫ И ЕГО МЕСТО
В КИМАКСКО-КЫПЧАКСКОМ МИРЕ
(К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ГРУППЫ)¹**

Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских

В статье рассматривается проблема этнической принадлежности клана албар/олбер, известного в XIII в. в связи с монгольскими завоеваниями. Этот клан, во главе которого тогда стоял Бачман-султан, имел прямое отношение к кимакам (емекам), у которых прослеживаются старые контакты не только с тюрками, но и протомонголами. Так как у кимаков, фактически являвшихся частью восточных кыпчаков, обнаруживается наличие татарского этнического компонента, вопрос о клане албыр/олбер оказывается выходящим на комплекс проблем, имеющих прямое отношение к становлению этнополитической общности «монголо-татар». В целом исследование этнической истории клана албыр/олбер позволяет по-новому осветить весьма дискуссионный вопрос о тюркском этническом участии в формировании золотоордынских татар.

Ключевые слова: клан, албыр/олбер, кимаки, кыпчаки, монголы, кидане, государство Ляо, Золотая Орда.

**THE CLAN ALBIR/ALBERLI AND ITS PLACE
IN THE KIMAK-KYPCHAK WORLD
(ON THE ISSUE OF THE ETNIC ORIGINS OF THE GROUP)**

D. M. Iskhakov, Z. A. Tychinskyh

The article deals with the problem of the ethnicity of the Albir / Olber clan, known in the 13th century in connection with the Mongol conquests. This clan, at the head of which then stood Bachman-Sultan, was directly related to the Kimak (Emek), who have traced the old contacts not only with the Turks, but also with the Proto-Mongols. Since the Kimak, who were actually part of the Eastern Kipchaks, revealed the presence of the Tatar ethnic component, the issue of the Albir / Olber clan turns out to be a set of problems that are directly related to the formation of the ethnic-

© Исхаков Д. М., Тычинских З. А., 2019

¹Исследование выполнено в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

political community of the «Mongol-Tatars». In general, the study of the ethnic history of the clan Albir / Olber allows us to shed some light on the very controversial issue of the Turkic ethnic participation in the formation of the Golden Horde Tatars.

Keywords: clan, Albir / Olber, Kimaks, Kypchaks, Mongols, Khitan, Liao State, Golden Horde.

Как известно, на части территории Великого Монгольского государства (Еке Монгол улуса) – в Улусе Джучи, больше известном как Золотая Орда, в конечном счете за его политически доминировавшим (государствообразующем) населением закрепилось наименование «татары». Но вопрос о том, как из первоначального этнического ядра «монголов» возникло объединение, маркировавшееся как «монголо-татары» или просто «татары», до сих пор относится к числу до конца не выясненных, в том числе и потому, что в Центральной Азии существовали собственно татарские кланы, с которыми объединяющиеся под руководством Чингисхана монгольские племена столкнулись на рубеже XII–XIII вв. и покорили их. Так как «народ монголов» весьма быстро по ходу становления Великого Монгольского государства стал именоваться «монголо-татарами» (мэн-да), одним из значимых аспектов этнополитической истории этой громадной империи – самой большой в истории человечества – является осмысление ее тюрко-монгольского (= татаро-монгольского) характера, чему есть ряд препятствий как объективного, так и субъективного характера. Если к числу первых отнести сложносоставной характер «монголо-татар» при неясности этнической принадлежности многих, вошедших в это объединение групп, то в разряде вторых следует указать не только на существование современных народов, носящих этнонимы «татары» и «монголы» с пересекающимися национальными историями (вследствие бытования двойной маркировки «народа монголов» уже с периода образования Еке Монгол улуса, а также из-за правления в Золотой Орде и у ее политических наследников – татарских ханов, орд Чингисидов), но и на воздействие современных российских реалий (уход в постсоветский период от привычного обозначения Золотой Орды как «монголо-татарского» государства к понятию «монгольская держава» или вообще к безэтнической маркировке ее как «Орды», а населения – как «ордынцев»).

Подобные метания в определениях вызваны как политическими причинами, так и научными – в частности, объясняемыми недостаточной изученностью этнополитических процессов, происходивших в рамках Улуса Джучи. К примеру, в историографии, в том числе зарубежной, достаточно широко распространено мнение о сложении золотоордынских «татар» в результате того, что пришлые монголы были ассимилированы численно преобладавшими местными кыпчаками. При этом обычно упускается из виду, что эти самые «монголы» ко времени образования Золотой Орды на самом деле являлись уже отнюдь не первоначальными «монголами» (мэнъю), а «татаро-монголами». Кроме того, у восточных

кыпчаков-кимаков, прежде всего, существовало значимое собственное «татарское» этническое составное, также по ходу завоеваний Чингисхана вошедшее в состав Великого Монгольского государства и оказавшееся затем в границах Золотой Орды. Поэтому и существует необходимость взглянуть на проблему становления средневековых, т. е. золотоордынских, татар (= «монголо-татар») несколько иначе, чем это было принято до сих пор.

В свое время В. В. Бартольд в статье «Татары» обратил внимание на сообщение Джуджани, связанное с походом 1218/1219 г. хорезмшаха Мухаммада б. Текеша на кыпчаков, возглавлявшихся Кадырханом б. Юсуфом Татарским [Бартольд, 2002, с. 559]. Это место сочинения Джуджани «Табакат-и Насыри» выглядит так: «В 615 г. х. он (т. е. хорезмшах Мухаммад. – *Д. И., 3. Т.*) отправился за Кадыр-ханом, являвшимся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник в Туркестан настолько далеко к северу, что [достиг] Уйгура [l-ghur] [,] [он продвинулся] так далеко к северу, что достиг Северного Полюса» [Tabakati Nasiri, vol. 1, 1970, p. 267]. Нам сейчас уже известно, что указанная местность, где, согласно Джуджани, день сливался с ночью, действительно находилась в северной зоне, но не настолько далеко, как писал этот автор, – речь идет о бассейне р. Ирғиз, где-то в междуречье рек Кайлы и Кимача (т. е. на границе современной Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области РФ) [Ахинжанов, 1989, с. 225–234]. В приведенном сообщении следует обратить внимание на предводителя кыпчаков, явно восточных, который маркирован как сын Юсуфа *Татарского*. Почему этих кыпчаков возглавляло знатное лицо, принадлежавшее к неким «татарам»? Вопрос этот остался открытым.

В дальнейшем один из крупных отечественных филологов татарского происхождения – Э. Н. Наджип, специалист по тюркской филологии средневекового периода, написавший ряд качественных работ, посвященных характеристике этноязыковой ситуации X–XV вв. в тюркском мире, в статье «Очерк историко-культурной обстановки в XIV и XV вв.», освещающая проблему этноязыковой ситуации в Золотой Орде и Мамлюкском Египте, сделал следующее, заслуживающее внимания замечание: «Прибывшие в Египет во время правления Бейбарса *татарские* эмиры (речь идет об их прибытии туда после 1262 г. – *Д. И., 3. Т.*) являлись коренными жителями кыпчакских степей... Племена, называвшиеся татарскими, жили в Дешт-и Кыпчак и до прихода монголов на эту территорию» [Наджип, 1989, с. 86].

Таким образом, перед нами возникают «татары», уже в домонгольское время находившиеся на территории Дешт-и-Кыпчак. Заметим, что как у В. В. Бартольда (у него более явно), так и у Э. Н. Наджипа (менее явно) при их рассуждениях, кажется, прежде всего, подразумеваются восточные кыпчаки, про которых последний автор отмечал, что они вообще-то являлись западной ветвью кимаков [Наджип, 1989, с. 42]. Это замечание должно быть учтено, ибо за ним скрывается весьма серьезная проблема, которая до сих пор должным образом даже не поставлена. О чем идет речь? Речь идет о присутствии среди кыпчаков, в первую

очередь среди представителей восточной их ветви, далеко не случайно увязываемых с кимаками, весьма значимого татарского этнического компонента.

Для того чтобы разобраться в этом непростом вопросе, было решено обратиться к сюжету, связанному с кланом олбер/албыр (есть и другие написания его наименования). Так как об этом клане уже писалось неоднократно, нам представлялось важным сосредоточиться на вопросе об этнической принадлежности этой группы, ибо именно он остается до сих пор весьма дискуссионным. На самом деле поиск ответа на этот вопрос имеет более широкое значение, в целом затрагивая проблему этнической принадлежности ряда восточно-тюркских кланов, вошедших в состав кимаков и собственно восточных кыпчаков, а через них – в состав золотоордынских татар.

Весьма известный клан албыр/олберлы, во главе со своим предводителем Бачман султаном, оказавший монгольским завоевателям ожесточенное сопротивление в районе низовьев реки Волги в период великих завоеваний 1235–1242 гг., многократно являлся объектом внимания исследователей. В последнее время было установлено, что политический центр этого клана, входившего в круг кимакских объединений, находился в районе современного Оренбурга, где существовал легендарный город Актубэ [Исхаков, 2012]. По поводу этнической принадлежности этой группы до сих пор существует дискуссия в литературе. Согласно взгляду одних исследователей, это был монгольский (киданьский) клан, но другие исследователи придерживаются мнения, что это были тюрки. Для того чтобы выяснить истинную их этническую принадлежность, необходимо заново проанализировать существующие источники, а также разобрать историографию вопроса.

Начать следует с рассмотрения информации, содержащейся в трудах Ибн ал-Асира и Махмуда Кашгари.

В труде Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-та тарих» (XIII в.) под 435 г. х. (1043/1044) отмечено, что «в этом году в месяце сафаре приняли ислам десять тысяч кибиток из неверных тюрок, которые, бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили их и учиняли беспорядки». Далее источник уточняет: «...они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна. Но и когда приняли ислам, то рассеялись по стране; в каждом крае по тысячи кибиток или меньше, или больше; ведь они объединялись [раньше] только для того, чтобы защищать друг друга от мусульман» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 211–212]. На эту информацию мы должны обратить особое внимание потому, что она относится к эпохе усиления кыпчакско-кимакских групп. Кроме того, в данном известии фиксируется пребывание этой группы (10 тыс. кибиток – это не менее 50 тыс. чел., а скорее всего, и больше) летом в «краях Булгара», что весьма важно, ибо имеется одна «зацепка», как думается позволяющая узнать, что за группа в названном выше источнике подразумевается в лице этих, являвшихся «неверными», но затем весьма рано принявших ислам тюрок.

Дополнительная информация о них, вероятно, содержится у Махмуда Кашгари. Дело в том, что у Махмуда Кашгари есть указание на то, что «двоих сыновей царя Кыпчаков Инала Уза... называют *табар*» [Ал Кашгари, 2005, с. 344] (выделено нами. – Д. И., 3. Т.). Возможно, в последнем случае, как и в случае с понятием «инал», подразумевается титул, в частности «табар» может быть «иль-табаром»/эльтебером – известным тюркским титулом. Но не исключено, что в некоторых источниках этот титул был передан как имя собственное. В этой связи укажем на то, что, согласно Джуджани, одного из родоначальников племени ильбари, являвшегося как раз «ханом 10 000 семейств», звали Абаром [Tabakati Nasiri, vol. II, 1970, p. 791, 800–801]. Джуджани отмечает, что этот Абар хан приходился дедом (возможно, прадедом) Улуг хану Азаму, жившему в эпоху монгольских завоеваний в Средней Азии. Судя по хронологии, этот Абар хан мог жить в середине – второй половине XI в. и соответствовать Табару М. Кашгари [Ахинжанов, 1989, с. 202]. В таком случае возникает вопрос: не подразумеваются ли под 10 000 «кибиток» или «семей», принявших в 1043/1044 г. ислам, представители клана алпарлы/илбари/олбер? Принимая в расчет их нахождение летом «в краях Булгара», это весьма возможно. Тем более что в верхних звеньях генеалогии являвшегося предводителем этого клана Бачман султана, начиная от его отца – Габдерахман султана и заканчивая его прапрадедом, которого, судя по генеалогии, звали Габделгазизом (титул у него такой же – «султан»), фигурируют мусульманские имена [Исхаков, 2010, с. 95–96], свидетельствующие, что представители этого клана приняли ислам задолго до времени жизни Бачмана. А данные Ибн ал-Асира о том, что после принятия ислама названное объединение тюрков «рассеялось», можно считать не вполне достоверными. Дополнительным аргументом в пользу нашей гипотезы может служить известный рассказ Лаврентьевской летописи, под 1184 г. сообщающей об участии «половцев Емяковых» во внутриполитической борьбе в Волжской Булгарии [ПСРЛ, т. 1, с. 389]. Понятно, что для этого они должны были находиться не так далеко от территории этого государства.

Как уже было установлено [Ахинжанов, 1989; Исхаков, 2012], этому критерию больше всего соответствуют именно представители клана илбари (олбер), бывшего частью кимаков и, судя по всему, локализованных в предмонгольское время в бассейне р. Яик.

Раннюю историю этого клана сейчас необходимо уточнить и «вписать» в общую историю и начальный этап движения кимакско-кыпчакского объединения в XI–XII вв. на запад. При его рассмотрении мы будем опираться на известные труды С. Г. Агаджанова, С. М. Ахинжанова, О. Прицака, П. В. Голдена, Р. П. Храпачевского, А. Ш. Кадырбаева, Е. И. Кычанова и др. В необходимых случаях к ним будут сделаны дополнения и комментарии, главным образом, в русле интересующей нас тематики.

Исследователи едины в том, что весьма многочисленные восточные группы тюрков из Центральной Азии и прилегающих территорий Южной Сибири в

предмонгольское время стали выдвигаться на запад вследствие подъема монголоязычных кочевников – киданей и основания ими в начале X в. государства Ляо, вскоре включившего в свои территориальные рамки и Северный Китай [История Востока, т. II, 1995, с. 300]. После упрочения власти это государство начало активные военные действия в западном направлении, что привело в начале XI в. к крупным передвижениям тюркских групп, расселенных в Центральной Азии. Есть предположение, что в ходе киданьских походов начала XI в. на уйгур Ганьчжоу (1010), затем в северо-западную часть Джетесу (1014), после чего – в окрестности Баласагуна (1017), в составе киданьских отрядов имелись и многочисленные восточно-тюркские племена [Агаджанов, 1969, с. 154–155]. В частности, описывая наступательные действия киданей на Баласагун, Ибн ал-Асир сообщает об участии в этом «трехсот тысяч кибиток из тюркских родов. Среди них и хитаи» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 183] (т. е. кидане). В других источниках речь идет об участии в этом походе войск, насчитывавших 100 тыс. кибиток [Агаджанов, 1969, с. 155], что не противоречит первой цифре. Ясно одно – в киданьских походах, совершавшихся в первых десятилетиях XI в. вместе с восточно-тюркскими кланами, участвовало огромное число людей, что не могло не привести к крупным передвижениям населения из Центральной Азии, Южной Сибири и прилегающих зон в западном направлении.

С. Г. Агаджановым, О. Прицаком, П. В. Голденом и С. М. Ахинжановым уже достаточно подробно разбирались сообщения восточных и некоторых западных источников, сообщающих об этой миграции тюркских групп, в первую очередь состоявших из представителей кимакско-кыпчакской общности и близких этнически к ним других тюркоязычных кланов. В общем виде их анализ существующих источников сводится к следующему.

Прежде всего, речь должна идти о переселениях из Центральной Азии нескольких весьма многочисленных, но в этническом отношении не вполне однородных групп. Наиболее развернутые данные об этом содержатся у ал-Марвази (род. в 1046 г.) и у Матфея Эдесского (ум. в 1146 г.). Приведем их сообщения для выяснения главной канвы событий, происходивших, как можно полагать, в первой половине XI в. в Северной Евразии, в конце концов завершившихся формированием нового состава населения этой огромной территории в ее степных зонах. Оно и получило в конечном счете общее наименование кыпчаки/половцы, хотя имело достаточно различающиеся этнические сегменты.

В сочинении арабского историка Шарафа ал-Марвази (род. 1046 г.) «Таба, и ал-хайван», относящегося к XII в. и являющегося трактатом зоологического характера, есть описания историко-географического, а также этнологического характера, в том числе глава «О тюрках», содержащая, кроме прочего, интересную информацию об указанном выше массовом переселении тюрок Востока: «Среди них (тюрок. – Д. И., З. Т.) есть группа [людей], которые называются “кун”, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их [числа] Ахинджи

ибн Качугар Хорезм-шах. Их преследовал народ, который назывался *кай*. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. [Тогда куны] переселились на землю *шаров*, а шары ушли в землю *туркменов*. Туркмены переселились на восточные [земли] *гузов*, а гузы переселились в землю *печенегов*, поблизости от Армянского [Черного или Каспийского. – Д. И., 3. Т.] моря» [Храпачевский, 2013, с. 212] (этнонимы и территориальные определения выделены нами. – Д. И., 3. Т.).

Читая это сообщение, надо иметь в виду, что упоминающийся в нем хорезмшах Акинджи (Икинчи) ибн Кочкар (Кочугар) был убит в 1097 г. [Ибн ал-Асир, 2006, с. 230–231; Бартольд, 1963, с. 387], поэтому содержание данного известия явно описывает более ранние события XI в. Хотя сведения ал-Марвази о тюрках были заимствованы из разных источников, в том числе и из ранних [Храковский, 1959, с. 208–211], само содержание приведенного уникального сообщения, как уже установлено, относится к начальным десятилетиям XI в. и связано с формированием государства Ляо – государства киданей/каракитаев (см. выше понятия «Китай», «китайский хан» – речь идет тут о киданях), вызвавшего массовые миграции населения на запад из глубин Центральной Азии. Но для понимания того, какие группы имелись ввиду в этом довольно сложном по структуре сообщении, необходимо остановиться еще на одном источнике XII в. – на труде армянского историка Матфея Эдесского, также писавшего в своей летописи об этих переселениях. В частности, под 1050/1051 г. он поместил известие о столкновении Византии с печенежской опасностью, вызванной серией перемещений кочевых групп, когда «народ отц приблизился и разбил [народ] хардеш, а [последний] двинулся вперед и победил узов и печенегов» [Pritsak, 1982, p. 337–338] (этнонимы выделены нами. – Д. И., 3. Т.). Разбравший это сообщение О. Прицак счел возможным видеть в «народе отц» (отц по-армянски «змеи») «народ змей», т. е. группу *кай*, а в общности «хардеш»/«половых/светловолосых» – кыпчаков/половцев, приравняв «узов» к огузам [Pritsak, 1982]. На самом деле по поводу группы *кай* у него есть еще один комментарий, который будет рассмотрен несколько позже.

Следует отметить, что ранее О. Прицака С. Г. Агаджанов при комментировании разбираемого источника в «рыжеволосых» (хардеш) увидел группу «сары», полагая, что под ней подразумеваются кыпчаки Алтая, а «народ змей» (отц) он также предлагал идентифицировать (под вопросом, правда) с группой *кай* [Агаджанов, 1969, с. 158]. При этом он ссылаясь на работу Ю. А. Зуева, указавшего в свое время на наличие у клана *кай тамги* в виде змеи [Зуев, 1960, т. 8, с. 132–133]. Позже и С. М. Ахинжанов согласился с мнением О. Прицака и С. Г. Агаджанова относительно тождества «народа змей» (отц) с каями и «народа хардеш» – с шарами/сары [Ахинжанов, 1989, с. 180]. Но он заметил, что у Матфея Эдесского нет одной группы, которая присутствует у ал-Марвази, – речь идет о кунах. Причину их отсутствия у армянского летописца XII в. он объяснил тем, что куны выпали из орбиты его внимания из-за отдаленности их местона-

хождения [Ахинжанов, 1989, с. 180]. Это, как думается, вряд ли так, поэтому данный вопрос требует отдельного разбора.

Таким образом, в приведенных выше двух источниках сообщается об одном и том же событии, случившемся не позже начальных десятилетий XI в. Согласно указанию этих источников, сдвиг кочевого населения «из земли Китая» происходил так: каи → куны → шары → туркмены (это принявшие ислам гузы/огузы) → гузы → печенеги. Если принять во внимание, что торки русских летописей (а это и есть огузы), преследуемые половцами/кыпчаками, дошли до южнорусских степей к 1054 г., а в 1064 г. их разбитые группы уже переправились через Дунай, оказавшись на территории Византии [Агаджанов, 1969, с. 158–159], то начало массового движения кочевников надо отнести к более раннему периоду – скорее всего, оно должно датироваться 1030–1040 гг. [Агаджанов, 1969, с. 157; 24, р. 336; Ахинжанов, 1969, с. 182–187].

Теперь нам в этом довольно сложном конгломерате из нескольких групп (прежде всего, таких как каи, шары/сары, куны) необходимо найти ту конкретную этническую общность, куда восходил интересующий нас клан *алпарлы/олбер*. Задача эта непростая из-за существенных разногласий между исследователями относительно этнических истоков данного знатного клана. Поэтому нам придется еще раз вернуться к этому вопросу для выяснения системы аргументации точек зрения разных авторов (С. Г. Агаджанова, О. Прицака, П. Голдена, С. Г. Ахинжанова, Р. П. Храпачевского).

Несмотря на то что у исследователей, занимавшихся проблемой этнических корней тех групп, из среды которых выводится клан алпарлы/олбер, нет единства по этому вопросу, одно их объединяет: они склонны полагать, что к XI в. этнические формирования, о которых идет речь, даже если они первоначально не являлись тюркоязычными, уже были ассимилированы в численно преобладавшей тюркской среде [Агаджанов, 1969, с. 157; Pritsak, 1982, р. 335–336; Golden, 1986, vol. 6, р. 18–22; Голден, 2004, р. 105; Ахинжанов, 1989, с. 98, 101, 105, 113; Храпачевский, 2013, с. 22–23, 39]. В принципе, для разработки нашей темы такого вывода было бы уже достаточно. Но с целью более глубокого обоснования тезиса об изначальной тюркской этнической принадлежности предков клана алпарлы/олбер – а мы полагаем именно так – считаем необходимым подробнее остановиться на взглядах наших оппонентов, в первую очередь следуя за линией доказательств Б. Б. Кумекова, занимавшегося проблемой происхождения кимаков специально. К кимакам, из среды которых обычно выводятся и кыпчаки, приходится обращаться потому, что именно в составе населения Кимакского каганата имелись группы, например татары, являвшиеся знатной частью кимакского сообщества, про которые в литературе бытует давнее мнение об их монголо/кидане-язычности (детальнее см.: [Atwood, 2015, vol. II]). Так как именно с ними связываются предки клана алпарлы/олбер, есть необходимость нового анализа данного вопроса.

Эта трактовка восходит к считающимся в сино-тюркологии классическими исследованиям И. Маркварта и П. Пелльо, ее недавно воспроизвел и С. П. Атвуд, прямо указавший на то, что в китайских источниках наиболее ранние ссылки на группу кай идут в форме *kūmo-xī*, *kūnmō/kuñmī*, т. е. «кимек» [Atwood, 2015, vol. II, p. 049–050]. При этом С. П. Атвуд заявил, что насчет групп кай и киданей имеется «общий консенсус» относительно их «монголоязычности» [Atwood, 2015, vol. II, p. 049]. Думается, что это не совсем так, особенно если учесть исследование Б. Е. Кумекова, не только не согласившегося в целом с вышеназванной концепцией о монголоязычности кимаков [Кумеков, 1972, с. 45], но и отнесшего группу кай к тюркским этническим образованиям [Кумеков, 1972, с. 124]. В частности, он в своем заключении исходил из того, что ал-Бируни (XI в.) относил группу кай, как и кунов, кимаков и ряд других групп (кыргызов, токуз-гузов, хазар), к тюркам. Такое определение группы кай имеется и у Махмуда Кашгари, назвавшего ее «одним из тюркских племен» [Ал Кашгари, 2005, с. 858].

О. Прицак в зарубежной историографии сформулировал те основные подходы к изучению ранней этнической истории клана олберлик, которым затем во многом следовал и П. Голден. В частности, О. Прицак выводил названный клан из состава кимаков/кунов, как он думал, являвшихся протомонголами, населявшими в ранний период Маньчжурию, откуда его представители откочевали в конце XI в. (около 1090-х гг.). Кроме того, нам следует обратить внимание на примечание О. Прицака, утверждавшего относительно «народа змей», что каи «правили» конфедерацией найманов (об этом см. далее). В целом О. Прицак этнические истоки кимаков и объединения кай выводит из этнической среды протомонгольских групп *ku-mo-xsi* (татабы тюркских источников), правда подчеркнув, что к XI в. они уже были тюркизированы (последнее заключение обязано своим появлением публикации труда Махмуда Кашгари, неизвестной более ранним исследователям). Наконец, мы не должны упускать из поля нашего зрения приведенное выше мнение О. Прицака, касающееся этнических связей между каями и найманами, ибо через последних появляется связующая нить и с татарами [Pritsak, 1982; Golden, 1986, vol. 6]. Этот исследователь, связывая племя олберли с каями, считал, что каи («народ змей») стали правящим слоем у кимаков после 1031 г., приняв к тому же в 1043 г. ислам. Как он полагал, кланы олберли и кай в итоге к 1100 г. «разделили между собой власть» в Дешт-и-Кипчаке, когда из первых были верховные каганы, а из вторых – соправители.

По мнению П. Голдена, клан олберлик вышел из состава объединения *xī* (*xsi*), т. е. каев, в раннее время своей истории локализованных на юго-востоке Внутренней Монголии и на северо-востоке Маньчжурии. Группу кай, в полном согласии с построениями И. Маркварта и П. Пелльо [Golden, 1986, vol. 6, p. 14–19; Голден, 2004, с. 105–107], он считает прото (ранне)-монголами, датируя время ухода связанного с ней клана олберлик на запад серединой XII в., указав, что к 1150-м годам вышедшие из его среды ханы уже установили полный контроль над

восточными (дикими) половцами (к последним он относил кунов/команов, канглы, кыпчаков, считая их за «один народ»). П. Голден полагал, что клан олберлик положил начало одной из правящих над половцами групп – Бонякидам [7, с. 107]. Свои выводы относительно ранней этнической истории клана олберлик он базировал на данных «Юань ши», источника не вполне ясного для выводов по этой группе. Да и отнесение им времени появления клана олберлик в Волго-Уральском регионе к середине XII в. не вполне согласуется с источниками – кроме указанных выше данных о возможном принятии этим кланом ислама еще в 1043 г., когда клан летом поднимался до границ Волжской Булгарии, скорее всего, до рубежей по р. Яик, надо еще учесть одно примечание самого П. Голдена, в котором содержится информация из арабских источников, согласно которой группа олберлик фиксируется до 1050 г. [Golden, 1986, vol. 6, p. 13], что более соответствует накопленным сейчас данным.

Советская и российская историография, хотя и подверглись влиянию западной историографии, имела в отношении трактовки проблемы этнической и политической истории клана олберлик свои отличительные особенности. Начнем с того, что уже в 1970 г. был осуществлен перевод части текста «Юань ши», имеющей отношение к кыпчакам [Кычанов, 1963, с. 59–65]. Но он не получил должного объяснения, вследствие чего из него потом извлекались несовпадающие между собой этнические построения. Так, казахский историк С. М. Ахинжанов в том же году опубликовал статью, в которой, опираясь в том числе и на «Юань ши», высказал мнение о существовании на Южном Урале уже в XI в. «независимого кипчакского владения» [Ахинжанов, 1970, с. 48–49], которое он затем связал с «конфедерацией кыпчакских племен» во главе с ханами из клана илбари/ольбурлик [Ахинжанов, 1976, с. 88]. Этот вывод данного исследователя опирался на анализ «Юань ши» П. Пелльо, полагавшего, что указания на место проживания в этом источнике восточных кыпчаков как «Юйлиболи» отражает наименование клана ильбари. По мнению С. М. Ахинжанова, ханы из племени ильбари/ольбурлик в конце XI – начале XII в. возглавили конфедерацию кыпчакских племен Западного Казахстана [Ахинжанов, 1976, с. 88], но затем их в начале XII в. сменили баяуты, бывшие ветвью кимаков. Они являлись, как и в целом кимаки (каи), выходцами из состава монголоязычных татаро-монголов, затем, правда, отореченные. Как полагает С. М. Ахинжанов, хотя клан илбари был замещен как ханское племя баяутами, последние все же приняли «имя» илбари [Ахинжанов, 1989, с. 101, 105, 113, 201]. Но еще в 1133 г., когда войска хорезмшаха Атсыза воевали с кыпчаками на Мангышлаке, те возглавлялись кланом илбари. Этот историк общее движение из Центральной Азии (северо-восточной Монголии и Манчжурии) в XI в. видит таким образом: вначале кай (= кимаки) в самом начале XI в. покорили *ябагу*, обитавших (внимание! – Д. И., З. А.) в бассейне р. Оби (р. Ямар по Махмуд Кашгари), затем в союзе с группами *басмыл* и *джумул* это сообщество двинулось в Семиречье (при этом шары, т. е. кыпчаки, возглавлялись басмылами), а куны, участвовавшие в этом же движении, являлись

киданиями [Ахинжанов, 1989, с. 184, 186–187]. Наконец, последний штрих: ханы половецкого объединения, существовавшего на Дону, – Шаруканиды были связаны, как полагал С. М. Ахинжанов, с «народом змей»/каями, в данном случае – с кланом токсоба [Ахинжанов, 1989, с. 137–138, 141].

Р. П. Храпачевский, писавший о клане илбари совсем недавно, приложил массу усилий для того, чтобы доказать, что та часть «Юань ши», в которой речь идет об одной династии кыпчаков (о ней писал и С. М. Ахинжанов), обычно связываемой с объединением во главе с илбари, на самом деле относится к кунам, из среды которых и вышли кыпчакские ханы, объединившие кимаков, канглы и «других кипчаков». Но – обращаем на это особое внимание – эти куны в свое время являлись, как он думает, частью татар, откочевав на запад не позднее первой трети XI в. Этот автор не исключает, что из среды кунов были и кай, с которыми он связывает токсобичей [Храпачевский, 2013, с. 20–23, 37–39]. А вот клан илбари во главе с Бачманом он не склонен относить к кунам [Храпачевский, 2013, с. 38–39], но при этом не расшифровывает их более конкретную этническую принадлежность.

Теперь надо несколько слов сказать о трудах других исследователей, в которых хотя напрямую и не обсуждается проблема клана илбари/ольбурлик, косвенно она все же затрагивается.

В частности, в своей работе, посвященной огузам, С. Г. Агаджанов высказывал мнение, что куны, первоначально жившие в Северном Китае и Западной Сибири (так он их локализует) и являвшиеся несторианами, могли быть частью конфедерации киреитов, как известно принявших несторианство еще в 1009 г. [Агаджанов, 1969, с. 156–157]. Далее весьма интересны наблюдения А. Ш. Кадырбаева, использовавшего при изучении *канглы* китайские источники. Он не только отмечает проживание канглы в Семиречье и на Иртыше, будучи частью кыпчакско-кимакского объединения, но и указывает на существование у знатных представителей этого клана родственных связей со знатной частью найманов [Кадырбаев, 1979, с. 50]. Показательно также, что в приведенном им отрывке из «Синь Юань ши», в котором речь идет о знатном вожде из канглы Есударе, отец последнего зафиксирован как «Айбо-баяут», что, скорее всего, указывает на баяутов как часть канглы [Кадырбаев, 1979, с. 54]. Более того, в таком китайском источнике, как «Мэну эрши цзи», он находит известие о том, что «киреиты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные киреитами» [Кадырбаев, 1982, с. 133]. Комментируя эти достаточно уникальные данные, он опять приводит материалы о родственных связях между знатью канглы и найманов [Кадырбаев, 1982, с. 133]. Такого рода сведения приводил и Б. Е. Кумеков, указывавший на существование брачных связей между кыпчакским кланом токсоба и татарами, причем в домонгольский период [Кумеков, 1986, с. 40].

Отдельно необходимо отметить монографическое исследование Б. Е. Куменова, посвященное кимакам, в котором он развивает совершенно иную, чем у многих исследователей, концепцию этнической принадлежности кимаков,

важную для нас. На основе анализа племенного состава кимаков он пришел к выводу, что кимаки изначально являлись тюрками [Кумеков, 1972, с. 128–129]. К тому же время продвижения кимаков на запад он датировал гораздо более ранним периодом – не позже конца IX в., когда совместно с огузами они вышли не только в Приаралье и Прикаспийскую зону, но и в Приуралье; миграцию кимаков в бассейны Урала и Эмбы он датировал X в. [Кумеков, 1972, с. 64]. По его заключению, кимаки в XI в. потеряли свою гегемонию в северо-евразийских степях, уступив это место кыпчакам. При этом он допускал, что кимаки могли частично «удержаться» на основной своей территории на левом берегу Иртыша [Кумеков, 1972, с. 86–87].

Итак, какой же общий вывод можно извлечь из анализа литературы, посвященной клану олберли? Главное заключение сводится к тому, что этнические истоки этого весьма известного и знатного клана остаются все еще не вполне ясными. Главный дискуссионный вопрос: были ли они выходцами из состава протомонголов или тюркских групп? Как думается, несмотря на присутствие в историографии весьма укорененной позиции, доказывающей их первоначальную принадлежность к ранним (прото) монголам – а эта линия доказательств идет через весьма спорное определение кимаков (каев) как протомонголов, на самом деле не менее фундированной выглядит другая концепция – об их тюркской этнической принадлежности. Мы придерживаемся именно этой концепции, считая, что клан ильбари/олбер был правящей группой, частью кимаков/йемеков, оказавшись в бассейне Яика, т. е. в Южном Приуралье, в первой половине XI в. – между 1030–1040-ми годами.

1. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIV вв. Ашхабад : Ылым, 1969. 394 с.

2. Ахинжанов С. М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. С. 81–93.

3. Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в конце монгольского нашествия // Вестник АН Казахской ССР. 1970. Вып. I. С. 45–49.

4. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1989. 293 с.

5. Ибн ал-Асир. Ал – камил фи-т- та'рих. Полный свод историй / Пер. с араб. яз., прим. и ком. П. Г. Булгакова, доп. к перев., прим. и ком., введ. и указ. Ш. С. Камолиддина. Ташкент : Узбекистан, 2006. 560 с.

6. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1963. Т. I. 759 с.

7. Бартольд В. В. Татары // Бартольд В. В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов / подгот. к изд. С. Г. Кляшторный; отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Вост. лит., 2002. С. 559–562.

8. Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского

центра СО РАН, 2004. С. 103–134.

9. Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды ИИАЭ. Т. 8. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1960. Т. 8. С. 93–140.

10. Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары : (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.

11. Исхаков Д. М. Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи северной Евразии. Материалы VI международного семинара и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблем степных регионов» / Под науч. ред. чл.-кор. РАН А. А. Чибилева. Оренбург : ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012. С. 319–321.

12. История Востока. Восток в средние века. М. : Вост. лит-ра, 1995. Т. II. 716 с.

13. Кадырбаев А. Ш. Тюрки-канглы в империи Чингис-хана (по китайским источникам) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти) : материалы конференции. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1979. Часть II. С. 50–57.

14. Кадырбаев А. Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.) // Общество и государство в Китае. Тринадцатая научная конференция : тез. и докл. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1982. Часть 2. С. 132–136.

15. Кумеков Б. Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности : тез. докл. XXIX сессии ИАС, Ташкент, сентябрь, 1986. История, литература, искусство. М., 1986. Т. I. С. 39–40.

16. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.

17. Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке (публикация источников) // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. 1963. Т. V. Вып. 1. С. 59–65.

18. Ал Кашгари Махмуд. Дивъан лугъат ат-Турк. Алмата : Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.

19. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. 291 с.

20. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М. : Наука, 1962. 733 с.

21. Храковский А. Шараф ал-заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. Введение и перевод // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 208–218.

22. Храпачевский Р. П. Половцы – куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы и исследования». Т. II : Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей. М. : ЦИВОИ, 2013. 125 с.

23. Atwood C. P. The Qai, the Khongai, and the names of the Xiōngnū // International Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. II. P. 035–063.

24. Golden P. B. Cumanica II. The Ölperl (Ölperl): the fortunes and mistofortunes of an

Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Mediaevii. 1986. Vol. 6. P. 5–30.

25. [Juziani]. Tabakati Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidele Mugals into Islam by Mavlana Minhaj-ad-din, Abu-Umar-i Usman [ibn Sirajol-lin al Juziani J.] Transl. by Major H.G. Raverly. New Delhi : Oriental Books Reprint Corporation, 1970. Vol. I. 1296 p.; Vol. II. 1292 p.

26. Pritsak O. Polovcians and Rus // AEMA. 2. (1982). P. 321–340.